

Видимо, Сталин воевать еще не собирался. По наблюдению Константина Симонова, Вождь уже возомнил, что «может планировать историю».

Не повышало боеспособность армии усиление политического надзора, ликвидация единоначалия и восстановление 10 мая 1937 года института военных комиссаров. Но как без них было обойтись, ведь «комиссар — глаза и уши партии и правительства». Чехословацкий атташе полковник Ф. Дастих по этому поводу писал:

«Для меня совершенно нетерпима теория, что в силу особенностей российской психологии и советской системы Красная Армия способна эффективно действовать на основе, неприемлемой для армий других государств. Я внимательно изучил систему политических комиссаров... Она не может означать ничего иного как разделения командных полномочий».

Тем более что кроме наличия чувствительных ушей и зорких глаз во всем остальном комиссары демонстрировали вопиющую безграмотность. В акте о приеме дел Главного управления политической пропаганды новым его начальником осенью 1940 года отмечалось: общеобразовательный уровень политсостава низок: лишь 6,2% имеет высшее образование, а 71,5 — ниже среднего. Это был еще один комплект бдящих с лупами в руках, в военном деле понимавших меньше, чем комиссары Гражданской войны.

<...>

Год 1942 — «учебный»

<Фрагменты>

<...>

Традиционные объяснения неудач 1942 года были предложены еще Сталиным. Главная из них, кроме само собой разумеющегося «превосходства противника», заключалась в том, что: «Предательская политика реакционных правящих кругов США и Англии, срывавших открытие второго фронта в Европе, позволила гитлеровцам сосредоточить к лету 1942 года крупные силы для наступления на советско-германском фронте... Факти-

чески Советская Армия продолжала вести борьбу одна против всей фашистской коалиции».

Этому есть что возразить.

Во-первых, силы были не такие уж крупные. Во всяком случае меньше, чем их имелось в июне 1941 года, когда к тому же действовал «привходящий» фактор внезапности.

Во-вторых, сегодня эти обвинения звучат, по меньшей мере, неприлично. Значит, когда мы помогали Гитлеру воевать с Англией, которая именно одна и сражалась в ту пору против всей фашистской коалиции¹, то заботились о своей безопасности. Когда же Англия сама первой протянула нам руку помощи, без которой войну было не выиграть, мы обвинили её в «предательской политике». Мы не хотим знать, что война была не только Отечественной, но и мировой, ведь нам так хочется верить в наш «решающий вклад».

В-третьих, это объяснение ничего не объясняет. Гитлер тоже мог бы пожаловаться, что Япония не открыла второй фронт на Дальнем Востоке, поэтому Красная Армия имела такие же возможности сосредоточить силы где ей было угодно. Но не сосредоточила, или сосредоточила не там, где нужно, либо использовала их не так, как следовало.

Отсюда возникает еще один вопрос: как же воевала наша «непобедимая и легендарная», о чем думали ее полководцы, вооруженные самой передовой в мире военной наукой? Генералы повсеместно, особенно битые, часто сетуют на начальство, ошибки подчиненных, недостаток сил или неблагоприятные погодные условия. Советские маршалы тоже широко используют все эти аргументы. Но, кроме того, они придумали своим провалам совершенно уникальное оправдание: оказывается, в 1942 году они еще не умели воевать. Все они — руководители фронтов, командующие армиями, начальники штабов с детской непосредственностью сообщают, что они пока только учились, присматривались к противнику, накапливали опыт! А то, что это обошлось в 48 млн. гражданского населения, пережившего оккупацию, и 6–7 млн. (цифра уточняется до сих пор) погибших солдат — издержки обучения. Кстати, и «успехи в учебе» не впечатляют.

<...>

В конце 1941 года, после ряда катастрофических поражений, Красная Армия сумела провести крупные наступательные

операции под Ростовом и Тихвином², а также «развеем миф о непобедимости германской армии» на полях Подмосковья. Советские войска достигли существенных результатов, отбросив противника на 150–300 км на запад и нанеся ему значительные потери в живой силе, и особенно в технике.

К Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину вновь начала возвращаться былая уверенность. Преодолев кризис под Москвой, он счел, что война теперь пошла по той же колее, что и в 1812 году: враг разбит, настало время его преследования и окончательного разгрома.

Сталину очень нравилась такая аналогия, и уже тогда историками в погонах стала разрабатываться верноподданническая теория о том, как «величайший полководец современности Иосиф Виссарионович Сталин», подобно «гениальному Кутузову» (но применив еще и безошибочную марксистскую методику), заманил Гитлера под Москву, где и «загубил» его лучшие войска.

«Советская военная наука, созданная товарищем Сталиным, заново разработала и успешно применила... контрнаступление... Сталинское учение о контрнаступлении явилось величайшим приобретением советской военной науки», — писал полковник П. А. Жилин в своей работе, посвященной... фельдмаршалу М. И. Кутузову. Все правильно понимал товарищ, как не сделать такого академиком?

В общем, Верховный Главнокомандующий «непобедимой и легендарной» пришел в себя после нокдауна. Изменение показаний сталинского «барометра» четко прослеживается в развитии его взаимоотношений со вновь приобретенными западными союзниками, в частности по вопросу второго фронта.

<...>

Свою оценку изменившейся ситуации в войне Сталин превратил в плане общего наступления Красной Армии, который обсуждался в Ставке 5 января 1942 года. Суть плана была изложена им лично в директивном письме от 10 января 1942 года. В нем указывалось: «Немцы хотят... выиграть время и получить передышку. Наша задача состоит в том, чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 году» <...>.

<...> Сталин всерьез планировал закончить войну в 1942 году. При этом настолько был уверен в своих силах, что считал возможным принимать гордые позы перед западными союзниками³ <...>.

<...> Сталин не зря говорил о «новых больших резервах», которые будут у него весной. Несмотря на почти 2-миллионные потери в ходе зимнего наступления, к апрелю 1942 года численность действующей армии была не только восстановлена, но и выросла на полтора миллиона человек, достигнув 5600 тыс. бойцов и командиров. [19] На десяти фронтах в состав 48 общевойсковых армий и 3 оперативных групп входили 293 стрелковые и 34 кавалерийские дивизии, 121 стрелковая и 56 отдельных танковых бригад. В тылу непрерывно формировались и развертывались стратегические резервы.

На полную мощь набирали обороты эвакуированные на восток предприятия, советская промышленность была полностью переведена на военные рельсы <...>.

<...> Одновременно подвергалось реорганизации высшее управление войсками: вновь было восстановлено корпусное звено, и с начала года начали формироваться гвардейские стрелковые корпуса, к лету их насчитывалось уже десять. В это же время создавались гвардейские армии, которые отличались более сильным составом <...>.

<...> Сталин и его полководцы думали, что Красная Армия теперь достаточно сильна, чтобы разгромить немцев, которые считались уже не способными к проведению крупных операций. В этом убеждали и фантастические цифры вражеских потерь, представляемых Разведуправлением Генштаба, не отстававшим в составлении победных реляций от щербаковского Совинформбюро <...>.

<...> Так, к 1 марта потери вермахта на Восточном фронте с начала войны оценивались в 6,5 млн. человек — это больше, чем немцы потеряли за весь период борьбы с Советским Союзом. Вообще за 6 лет Второй мировой войны потери германских вооруженных сил на всех фронтах составили около 6924 тыс. человек. А на 1 марта 1942 года потери сухопутных сил на Восточном фронте достигли лишь 1005,6 тыс., т. е. вшестеро меньше, чем считали Сталин и его Генштаб. Собственные потери они преуменьшали в 2–3 раза⁴. Соотношение сил члены Ставки преувеличивали в свою пользу и сильно переоценивали «организаторские способности начальствующего состава» Красной Армии, «опытность и прозорливость» ее генералов <...>.

<...> С середины мая должен был начаться отсчет «могучим ударам» по «озверелым врагам» и неудержимое движение советских войск к западным границам СССР. Но, по иронии судьбы, именно май ознаменовал собой начало целой серии катастрофических поражений Красной Армии.

Крупной неудачей обернулась Ржевско-Вяземская операция Калининского и Западного фронтов, в Мясном Бору началась агония 2-й ударной армии, войска Крымского фронта почти полностью были уничтожены стремительным контрнаступлением Манштейна. Войска Юго-Западного фронта, наступая на Харьков, сами залезли в мешок как раз тогда, когда немцы стремились его ликвидировать. Все это создало благоприятные условия для стратегического летнего наступления вермахта на Южном направлении.

Пришлось товарищу Молотову срочно собирать чемодан, садиться в стратегический бомбардировщик и лететь на поклон к капиталистическим дядям...

...«Ржавая и разболтанная» военная машина Гитлера, с ее (опять же по сталинскому определению) «дефективной стратегией» и «шаблонной тактикой», вновь сумела использовать и «момент внезапности», и другие «моменты» и поставить Советский Союз буквально на край гибели. Немецкие солдаты вышли к Волге и поднялись на вершины Кавказа, германский адмирал уже готовился принять командование Каспийской флотилией, а корпус «Ф» — совершить бросок на Багдад <...>.

<...>

В начале января Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин написал инструкцию по ведению наступательных действий, в которой постарался в доступной форме разъяснить своему генералитету положения теории глубокой операции и некоторые принципы военного искусства. Это сочинение было оформлено как директивное письмо Ставки от 10 января 1942 года и передано по телеграфу всем фронтам и армиям. В письме командующим «открывались глаза» (они сами так утверждают в своих мемуарах) на довольно тривиальные вещи: прорыв вражеской обороны надо производить мощными ударными группами на узких участках, на их поддержку следует бросать все силы и средства, артиллерии надлежит непрерывно сопровождать и оказывать содействие наступающим войскам на поле боя...

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что до исторического письма, «принципы которого легли в основу

организации и проведения наступательных операций в Великой Отечественной войне», руководящий состав Красной Армии об этих премудростях военной профессии имел весьма смутное представление и все делал с точностью до наоборот. Впрочем, и после — тоже.

<...>

Общие потери Калининского и Западного фронтов в Ржевско-Вяземской операции с 8 января по 20 апреля 1942 года, по скромным подсчетам, составили 776889 человек, 7296 орудий и минометов, 957 танков и 550 боевых самолетов.

Группа армий «Центр», по советским оценкам, с 1 января по 30 марта потеряла более 330 тыс. человек. Согласно немецким источникам, потери вермахта на всем Восточном фронте с 5 января по 25 апреля достигли 318 тыс. убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

Таковы результаты ратного труда самого «выдающегося» советского полководца. Чего же тогда стоили остальные? Впрочем, в Красной Армии имелось немало талантливых командиров. Просто отбор на высшие должности производился по другим критериям. Созданный Сталиным гигантский и громоздкий военный механизм, состоявший из взаимозаменяемых «винтиков» и «шестеренок», не имевших права на самостоятельную мысль, грозно выглядел только на парадах и учениях, а в реальной войне мог работать лишь при обильном смазывании кровью. Полководцы жуковского склада оказались лучшими «смазчиками».

К тому же на фоне динозавра К. М. Ворошилова, бездарного Ф. И. Кузнецова или настоящего кретина Е. Е. Соколова — Жуков и Конев действительно выглядели подлинными корифеями военной мысли.

<...>

Главная причина летней катастрофы 1942 года все та же — самоуверенность советских «опытных и прозорливых» генералов и неумение воевать ни «на земле», ни «в небесах», ни «на море». «Гитлеровские генштабисты» в очередной раз переиграли сталинских, а «опытный» Паулюс разбил «неопытных» Тимошенко, Москаленко и Рябышева. Сталин однажды сказал, что немецкая стратегия «дефективна, так как она, как правило, недооценивает сил и возможностей противника и переоценивает свои силы».

Верховный как в зеркало смотрелся.

Маршал Рокоссовский единственный, кто прямо, безо всяких оговорок указал на безграмотность, продемонстрированную советским командованием при проведении Воронежско-Ворошиловградской оборонительной операции: «Повторилась ошибка начального периода войны, когда издавались не соответствующие обстановке директивы, что было только на руку врагу. Поспешно выдвигаемые ему навстречу войска, не успев сосредоточиться, с ходу неорганизованно вступали в бой (... делалось все не так, как обучали нас военному делу в училищах, академиях, на военных играх и маневрах, вразрез с тем, что было приобретено опытом двух предыдущих войн).

В данном случае не требовалось “соломоново решение”. Противник известен, сражение нами проиграно (это тоже было известно) — требовалось только реально подсчитать: когда и где смогут быть сосредоточены силы, способные остановить врага и нанести ему контрудар. В данной конкретной обстановке ближе, чем на реке Дон, сделать это мы не успевали. Само по себе напрашивалось естественное решение: потерпевшим поражение войскам отходить, тормозя противника применением подвижной обороны. А затем организовано встретить его свежими силами, выдвигаемыми из резерва Ставки, на рубеже реки Дон...

Заместителям Верховного Главнокомандующего и начальнику Генерального штаба в этот ответственный момент следовало находиться именно в Ставке, у руля управления всеми Вооруженными Силами, где вырабатывались основные решения на действия войск, а не отрываться от своих прямых обязанностей выездами в войска».

<...>

Обеспокоенное правительство 28 июля 1942 года издало знаменитый приказ наркома обороны № 227 <...>.

<...> Ничего принципиально нового Сталин не придумал. Провалился блицкриг — и фюреру германской нации тоже пришлось насаждать у себя штрафные батальоны и заградительные отряды, дойдет в вермахте дело и до борьбы с дезертирами путем показательных расстрелов. Всей разницы, — что делать они это будут культурно, без матюков.

После войны из идеологически-маразматических соображений советские партвожди решили сделать вид, что у нас всего этого не было, а был сплошной массовый героизм ради защиты «завоеваний социализма». Но это сегодня приказ № 227 про-

изводит впечатление жестокого, хотя и вынужденно. А чем он мог удивить бойцов и командиров Красной Армии тогда? <...> «удивить» армию репрессиями Верховный не мог. Наоборот, многими эта часть приказа была воспринята как признак слабости власти <...>.

<...> С точки зрения тактики, призывы стоять на месте под страхом смерти — глупость, лишаящая командиров инициативы, а войска — возможности маневра. Именно такая тактика жесткой обороны привела к грандиозным «котлам» 1941 года.

Так чем же все-таки «благоотворно повлиял на боеспособность», а что это действительно так, признал даже противник, приказ № 227?

А тем, что впервые за войну (и, пожалуй, за 25 лет своего существования) советская власть, вместо сказок о десяти миллионах уничтоженных фрицев, антифашистских восстаниях в Европе, победах под Харьковом, инвалидах с физическими недостатками и неспособности «разложившегося и обескровленного» вермахта к наступательным операциям, сказала армии и народу правду — страна находится на краю гибели, дальше отступать некуда, вопрос стоит теперь только так: победить или умереть <...>.

<...> Это обращение к народному патриотизму (примечательно, что Сталин говорил не о защите социалистических завоеваний, а о спасении Родины), без приукрашивания горьких фактов и пустых обещаний, возымело действие. «Тут психология солдатская очень сложная, и до глубины истинной никогда не докопаться никому, — пишет “рядовой пехотный” М. Абдулин. — По нашему... разумению, мы могли отступать до тех пор, пока не появился этот приказ. Он сработал как избавление от неуверенности, и мы остановились. Остановились все дружно. Остановился солдат, убежденный, что и сосед остановился. Встали насмерть все вместе, зная, что никто уже не бросится бежать. Приказ оказался сильным оружием солдат — психологическим. Хотя и неловко было сознавать тот факт, что сзади меня стоит заградительный отряд».

Немецкие генералы утверждают, что примерно с 10 августа на всех участках фронта было отмечено усиление сопротивления противника.

<...>

Подводя итоги первого этапа Сталинградской битвы, можно с уверенностью сказать, что советское военное руководство без-

дарно его проиграло. В течение двух месяцев Паулюс и Гот вели успешное наступление, имея в своем распоряжении 18 немецких и 4 румынские дивизии, в том числе 3 танковые и 3 моторизованные. Генералы Гордов и Еременко, Василевский и Жуков за эти же 2 месяца, заботами товарища Сталина, смогли ввести в сражение в районе Сталинграда более 60 стрелковых дивизий, 8 танковых корпусов, 12 отдельных танковых бригад, несколько отдельных танковых батальонов, около 2500 танков! Один только 13-й танковый корпус за 3 месяца боев четырежды комплектовался до штатной численности, получил за это время и снова потерял 550 боевых машин.

И вот враг стоит на берегах Волги, а украшенные большими звездами и килограммами орденов полководцы рассказывают нам сказки о четырех — и шестикратном превосходстве противника и о том, что «в ожесточенных боях на подступах к Сталинграду... советские военачальники многое усвоили в трудной школе современной войны».

С одной стороны, товарищу Сталину можно посочувствовать, с другой — он сам растил эти кадры.

<...>

В конце сентября советское командование приступило к разработке плана и непосредственной подготовке контрнаступления на Сталинградском направлении.

После войны у Сталинградской наступательной операции, как у любой победы, появилось много отцов. Так, Жуков поведал об «остром слухе» вождя и о том, как они вдвоем с Василевским 13 сентября предложили Сталину план большого контрнаступления, нацеленного на фланги Паулюса, прикрытые румынскими войсками. Хрущев утверждал, что вместе с Еременко представил в Ставку к концу сентября план будущего контрнаступления. Сам Еременко рассказал в мемуарах, что он выдвинул идею о сталинградских контрударах прямо в день своего назначения командующим фронтом.

Можно сказать, что во второй половине сентября идея контрнаступления носилась в воздухе. Однако еще Наполеон выразился в том смысле, что полководец — не тот, кто придумал план сражения, а тот, кто взял на себя ответственность за его реализацию.

С этой точки зрения совершенно прав адмирал флота Н. Г. Кузнецов, единственный из всех вспомнивший настоящего

«автора»: «Нужно прямо сказать, что при огромном, а иногда и решающем значении роли полководцев, проводивших планы операции в жизнь, зарождение идеи в Ставке и воля Верховного Главнокомандующего определили успех сражения».

На этот раз Сталин не торопил своих полководцев, операция готовилась тщательно, грамотно, в строжайшей тайне.)

<...>

Подведем итоги «учебы».

Безвозвратные потери Красной Армии в 1942 году, согласно авторам книги «Гриф секретности снят», составили 3258216 человек. Генерал Д. Волкогонов оценивал их в полтора раза выше — 5888235 бойцов и офицеров. Однако и эта цифра многими современными историками считается заниженной. По их мнению, речь может идти о не менее чем 7,15 млн убитыми, пленными, умершими от ран и болезней. Немецкая армия в 1942 году потеряла на Восточном фронте около 519 тыс. человек. То есть, повышая свое военное образование, наши полководцы за одного убитого немецкого солдата укладывали 13 советских. В следующем, 1943 году, — «всего» 10! Заметный прогресс!

Неизлечимыми пороками советской военной машины как детища тоталитарной политической системы являлись презрение к человеческой жизни... а также жесткая централизация власти, лишавшая командиров на передовой всякой инициативы. Командармы, командиры дивизий и полков являлись только «шестеренками», передаточными звеньями между штабом фронта и передовой. От них лишь требовалось гнать войска вперед или «стоять насмерть» в зависимости от руководящих указаний вышестоящих инстанций. «Всякая инициатива должна быть наказана», — еще один незабвенный лозунг Советской Армии. Это приводило к тому, что товарищу Сталину приходилось самолично внедрять «новые технологии» в войска, сочинять для них инструкции и даже «разрешать» в отдельных вопросах проявлять инициативу: «При проведении наступательных операций командование фронтов и армий иногда смотрят на установленные для них разграничительные линии как на забор и как на перегородку, которые не могут нарушаться, хотя бы этого требовали интересы дела и меняющаяся входе операции обстановка.

В результате наши армии при наступлении идут вперед прямо перед собой, в пределах своих разграничительных линий,

не обращая внимания на своих соседей, без маневра, который вызывается обстановкой, без помощи друг друга и тем облегчают маневр противнику и предоставляют ему возможности бить нас по частям. Ставка разъясняет, что разграничительные линии определяют лишь ответственность командиров за определенный участок или полосу местности, в которых выполняется ими полученная боевая задача, но их нельзя рассматривать как неизменные и непреходимые перегородки для армий...

Ставка Верховного Главнокомандования, разъясняя это, разрешает и предоставляет право командующим фронтами менять в ходе операций разграничительные линии между армиями фронта, менять направление удара отдельных армий в зависимости от обстановки».

Отметим слово «разрешает» — стало быть раньше, т. е. до осени 1942 года, не разрешала. Да и теперь право действовать соответственно меняющейся обстановке было предоставлено только командующим фронтами, которые лично ставили задачи каждой дивизии и бригаде и любую инициативу подчиненных воспринимали как посягательство на свою власть.

Примеров тому бесконечное множество <...>.

<...> Поскольку тоталитарные пирамиды возводятся по единому проекту, перед немецкими генералами в 1942 году все острее вставала точно такая же проблема. Все они поголовно жалуются, что с приходом Гитлера на пост верховного главнокомандующего «вместо принятых до сих пор приказов, которые были проникнуты доверием к способностям и знаниям высших военачальников, появился новый вид приказа, крайне узко ставивший задачу и не допускавший никакой инициативы, наконец, часто требующий выполнения поставленной задачи под угрозой или же вообще ставились невыполнимые задачи. Нежелательные устранялись. Вместо доверия преследовалась цель сделать подчиненного беспрекословным».

Похоже, не правда ли? <...>.

<...> Парадокс: в то время как феодально-крепостническая РККА стремилась подняться до уровня вермахта, последний перенимал самые уродливые «достижения» социалистической системы: «...русские имели обыкновение упрямо придерживаться однажды поставленной цели — свойство, из которого немецкое командование в последующие годы могло бы извлечь большую пользу, если бы оно само не оказалось гораздо упрямее русских».

Мутируя под воздействием «бацилл национал-социализма», вермахт терял качества, делавшие его лучшей армией в мире. Ну, а количеством немцы никого не могли удивить. Деградация немецкой армии иногда наводит на мысль, что, может быть, русское «ментальное поле» так на нее влияло? Или просто воздух в России такой?

Тем не менее соотношение германских и советских потерь на протяжении всей войны оставалось крайне неблагоприятным для советской стороны. До самого ее конца воевать в Красной Армии предпочитали числом, побеждать — большой кровью, заваливая врага трупам не обученных «одноразовых» солдат. Военное искусство для большинства высших военачальников так и осталось чуждым понятием.

<...>

